

СЕСИЛИЯ СУАРЕЗ

ПОМИДОРНЫЙ КОРОЛЬ

18+

Сесилия Суарез

Помидорный король

«Автор»

2026

Суарез С.

Помидорный король / С. Суарез — «Автор», 2026

Он замер. Я видела, как работает его челюсть — сжимается, разжимается. Как дергается кадык. Как пальцы сжимаются в кулаки, разжимаются, снова сжимаются. Он шагнул. Я рванула вверх по лестнице. Я бежала быстро — перепрыгивала через ступеньки, хваталась за перила, чувствовала, как сердце колотится где-то в горле. На втором этаже был коридор, а в конце — спальня. Если бы я успела добежать, захлопнуть дверь, задвинуть засов... Я не успела. Он догнал меня на середине лестницы. Прыжок — и его руки обхватили мою талию, прижали к себе, развернули. Моя спина ударилась о стену, а он навис сверху, тяжело дыша, с горящими глазами. — Попалась, — выдохнул он. Александр Королёв перекрыл мне воду в самый жаркий день — я заколотила его дверь. Он вынудил председателя СНТ выписать мне штраф — я облила его машину валерианкой. Он срезал мои розы для другой — я съела все его помидоры. Но когда он поцеловал меня, я поняла: война проиграна.

© Суарез С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сорняк редкого свойства	5
Глава 2. Столкновение в отделе круп	9
Глава 3. Операция «Лесной пожар»	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Сесилия Суарез

Помидорный король

Глава 1. Сорняк редкого свойства

Я ненавижу его помидоры.

Нет, не так. Я ненавижу его. А помидоры — это просто удобный объект для переноса агрессии, скажет вам любой психолог. Но психологи не сидели на корточках в промокшей от росы траве в шесть утра, не отдирали землю из-под ногтей и не слушали, как этот высокомерный гад включает свою дурацкую поливалку ровно в тот момент, когда мои розы только-только начали цвести.

Меня зовут Варвара Соколова, и добро пожаловать в мой личный ад под названием «участок №7, смежный с участком №8».

Сегодня ад пахнет перегноем и свежесорванной мятой. Я стою на коленях в собственном цветнике, мои джинсы уже не спасти, а волосы выбились из пучка и лезут в лицо. Передо мной — новая красавица, чайно-гибридная роза сорта «Глория Дей», и она смотрит на меня своим жёлто-розовым бутонем так, будто говорит: «Ну давай, Соколова, покажи, на что ты способна».

Я пересаживаю её уже в третий раз за месяц. Первый раз она чуть не засохла из-за того, что этот козёл перекрыл воду. Второй раз её чуть не сожрала тля, пока я отбивала штраф за газонокосилку. Третий раз — сегодня — я просто решила, что ей тесно на старом месте. Или что мне нужно отвлечься. Или что я мазохистка.

— Так, красавица, — бормочу я, выкапывая ямку поглубже. — Сейчас мы тебя устроим. Будет тебе и солнце, и вода, и никаких помидоров по соседству. Обещаю.

Земля мягкая, влажная, пахнет так вкусно, что хочется вдыхать чаще. Я глубоко вдыхаю и закатываю глаза от удовольствия. Это единственное, что меня здесь держит. Мои розы. Сорок три куста, каждый — моя гордость, моя боль, моя бессонница. Я вырастила их из крошечных черенков, когда получила этот участок в наследство от матери, которую никогда не знала. Они — моя семья. Они не предадут, не перекрывают колодец и не подадут на меня в суд за нарушение тишины.

— Ну вот, — шепчу я, засыпая корни землёй и аккуратно утрамбовывая. — Сиди теперь. Расти. И никому не давай себя обижать.

Я вытираю лоб тыльной стороной ладони и понимаю, что только что размазала грязь. Отлично. Выгляжу как пугало огородное. Впрочем, здесь меня никто не видит, кроме...

— Часто разговариваешь с растениями?

Голос низкий, с ноткой насмешки, от которой у меня всё внутри сжимается в тугой узел. Я медленно поднимаю голову.

Он стоит по ту сторону забора. Ну, как забора — это такое условное сооружение из рабицы и старой сирени, через которое мы с ним уже два года обмениваемся не цветами, а проклятиями. Александр Королёв. Мой сосед. Мой личный сатана в берцах.

Сегодня он в старой футболке с надписью «Помидор — это фрукт» и джинсах, которые сидят так, что я физически заставляю себя смотреть ему в лицо. А лицо, надо сказать, у него неплохое. Если не знать, что за ним скрывается. Высокий лоб, тёмные брови, серо-зелёные глаза, которые сейчас смотрят на меня так, будто я — ошибка природы, которую нужно срочно задокументировать. Волосы вечно взлохмачены, будто он только что встал с дивана. Или с кого-то ещё. Не моё дело.

— Разговариваю, — отвечаю я максимально нейтральным тоном. — Они меня хотя бы слушают. В отличие от некоторых.

Он усмехается. Уголок губ дёргается, и я тут же вспоминаю все те случаи, когда эта усмешка предшествовала очередной пакости. Например, той, когда он нанял экскаватор и вырыл канаву прямо у моего забора, чтобы вода с его участка не текла ко мне. А потом пожаловался на несанкционированный дренаж. И я получила штраф. Именно тогда я в ночи завела газонокосилку и получила еще один штраф. Но его головная боль того определено стоила.

— Ты вся в земле, — замечает он, скрещивая руки на груди. От этого жеста бицепсы становятся ещё заметнее. Я старательно плююсь на свою розу. — Как крот, который объелся червей.

— А ты весь в своём обычном амплуа, — парирую я, отряхивая колени и вставая. Рост у меня метр шестьдесят три, а у него, кажется, все сто девяносто, потому что даже через забор я вынуждена задирать голову. — Зануда и помидорный маньяк.

— Помидорный селекционер, — поправляет он спокойно. — Я вывожу новые сорта, а не просто тыкаю палочки в землю, как некоторые.

— Это розы, — цежу я сквозь зубы. — И палочки тут ни при чём. Это искусство. Тонкая работа. Не то что твои... круглые красные шарики.

— Шарики, — повторяет он, и в его голосе появляется что-то опасное. — Ты только что назвала мои помидоры шариками.

— Я назвала их шариками. Хочешь, назову шариками для пинг-понга? Хотя от этих явно пользы больше.

Он делает шаг вперёд, к самому забору, и теперь я вижу, что на его правой руке — татуировка. Я раньше не замечала. Какие-то линии, парашютные стропы, кажется, и виноградная лоза. Интересно, зачем лётчику виноград? Хотя какая разница.

— Знаешь что, Соколова? — говорит он тихо. Так тихо, что я невольно подаюсь вперёд, чтобы расслышать. — Однажды ты попробуешь мои помидоры и поймёшь, что всю жизнь ела пластмассу.

— Однажды ты понюхаешь мои розы и поймёшь, что у тебя аллергия на прекрасное, — отвечаю я, гордо вскидывая подбородок.

И в этот момент замечая, что он смотрит на меня.

Не так, как обычно — с презрением или раздражением. Он смотрит так, будто я — редкий сорняк, который он пытается классифицировать. Взгляд задерживается на моём лице, спускается к грязной шее, к выбившимся волосам, к рукам, перепачканным землёй. И задерживается. На три секунды дольше, чем нужно. На три секунды, от которых по моей спине пробегают странный холодок.

— Чего уставился? — вырывается у меня резче, чем я планировала.

Он моргает. Потом улыбается. Улыбка у него — редкая вещь, я видела её, кажется, два раза за два года, и оба раза она заканчивалась штрафом.

— На редкий сорняк залюбовался, — говорит он, и в его тоне нет и тени шутки. Или есть? Я не могу понять. — Ты бы улыбась, что ли. У тебя на щеке грядка.

Он разворачивается и уходит в сторону своего дома, оставляя меня стоять с открытым ртом.

Я трогаю щёку. Земля. Целая полоса земли. И он смотрел на это три секунды.

— Козёл, — шепчу я, но почему-то голос дрожит. — Помидорный козёл.

Роза «Глория Дей» смотрит на меня своим бутонем и, кажется, смеётся.

До вечера я успеваю пересадить ещё три куста, прополоть дальнюю грядку с лавандой и выпить полтора литра воды с лимоном. К шести часам я выматываюсь настолько, что просто падаю в шезлонг на крыльце и смотрю на небо. Оно чистое, розовое от заката, и пахнет так вкусно, что хочется плакать.

Идиллия длится ровно до семи.

В семь со стороны участка Александра раздаётся рёв двигателей. Две машины — одна чёрная, одна серебристая — паркуются прямо у его калитки. Из них вываливаются люди. Много людей. Я насчитываю пятерых, потом ещё троих, потом кого-то с гитарой.

— Серьёзно? — бормочу я, натягивая на лицо соломенную шляпу. — Опять?

Два года назад, когда я только въехала, у него было тихо. Я думала, что мне повезло с соседом. Потом я поняла, что тишина была затишьем перед бурей. Александр Королёв — бывший военный лётчик. У него куча таких же бешеных друзей, которые, судя по всему, не умеют отдыхать без огня, мяса и громкой музыки.

Сегодня они жарят шашлык. Я слышу запах дыма и маринада, и мой желудок предательски урчит. У меня в холодильнике — гречка и вчерашний суп. У них — мясо, пиво и, кажется, кто-то притащил ящик с чем-то покрепче.

— Веселитесь, — шепчу я, зарываясь лицом в подушку. — Веселитесь, помидорные черви.

Музыка начинается где-то в десять. Сначала это что-то приличное, рок восьмидесятых, потом переходит в тяжёлый металл, а к полуночи я уже не могу различить слов — только басы, от которых дребезжат стёкла в моём доме.

Я лежу в кровати, натянув одеяло до подбородка, и считаю до ста. Потом до двухсот. Потом начинаю придумывать способы убийства, которые нельзя будет доказать в суде.

В два часа ночи музыка стихает. Слышны только голоса — громкие, пьяные, мужские. Кто-то орёт: «Саша, ты чёртов гений, эти помидоры — божественны!» Кто-то другой отвечает: «Скажи это Соколовой, она их даже в салат не режет!»

Я замираю. Это он сказал? Он обсуждает меня со своими друзьями?

— Ненавижу, — шепчу я в подушку. — Ненавижу, ненавижу, ненавижу.

В три часа ночи кто-то из гостей, кажется, падает в его теплицу. Слышен треск, мат, потом долгий хохот. Я молюсь, чтобы это был именно тот сорт, который он выводит для конкурса. Потому что если это он, то завтра я стану свидетелем его нервного срыва, и это будет почти весело.

В четыре часа утра наконец наступает тишина.

Я смотрю на потолок. Мой будильник поставлен на пять. Я могла бы перенести. Я могла бы проявить милосердие.

Вместо этого я улыбаюсь в темноте и говорю:

— С добрым утром, Королёв.

Ровно в пять двадцать две я стою на своём участке с газонокосилкой в руках.

Это не обычная газонокосилка. Это монстр. Бензиновый, ревуший, с ножами, которые могут перемолоть не только траву, но и мелкие камни, и, возможно, чужую веру в человечество. Она — моё оружие массового поражения.

Я включаю её.

Звук — как взлёт истребителя. Я знаю, что Александр был лётчиком, и надеюсь, что этот звук вызывает у него флешбэки. Газонокосилка дергается в моих руках, я толкаю её вперёд, и трава летит во все стороны.

— Тили-тили-тили, — ору я, перекрывая рёв двигателя. — Тра-та-та, помидорный король, просыпайся!

В окнах его дома темно. Но я знаю, что он слышит. Я знаю, что он сейчас лежит с похмелья, сжимая голову руками, и ненавидит меня так сильно, что это почти осязаемо.

Я кошу траву целых двадцать минут. Вокруг дома, вокруг крыльца, даже вокруг его старой тележки, которую он забыл убрать. Потом я останавливаюсь, вытираю пот и жду.

Жду недолго.

В пять пятьдесят три к моему забору подъезжает машина — белая, с синей полосой. Административная. Я узнаю её. Это наш участковый, дядя Миша, который уже дважды выпи-сывал мне штрафы по жалобам Александра.

— Доброе утро, Варвара Сергеевна, — говорит он, вылезая из машины. Он выглядит сонным и несчастным. — Опять?

— Доброе утро, — улыбаюсь я. — А что такое? Я просто косила траву. Разве нельзя?

— С семи утра можно, — вздыхает дядя Миша, доставая блокнот. — А сейчас пять пятьдесят три. Ваш сосед подал жалобу. Нарушение тишины и покоя граждан.

— Какой сосед? — невинно хлопаю я ресницами. — У меня нет соседей. У меня есть только... редкий сорняк.

Дядя Миша не смеётся. Он уже старый, и его ничего не смешит. Он выписывает штраф — две тысячи рублей — и уезжает.

Я смотрю на листок в своей руке, потом на дом Александра. В окне первого этажа мель-кает тень. Я не вижу его лица, но знаю, что он там стоит и улыбается.

— Это война, Королёв, — шепчу я, сжимая штраф в кулаке.

Он ещё пожалеет, что родился на этом свете.

А я — я только начала.

Глава 2. Столкновение в отделе круп

Штраф в две тысячи рублей я приклеиваю магнитом на холодильник. Рядом с предыдущими тремя. Они смотрят на меня, как маленькие бумажные судьи в строгих чёрных рамках закона.

— Ничего, — говорю я им, открывая дверцу. — Вы окупитесь. Я вас в рамки вставлю и буду показывать внукам. «Вот, дети, ваша бабушка воевала с помидорным королём и проигрывала в деньгах, но выигрывала в моральном превосходстве».

В холодильнике — шаром покати. Две морковки, полголовки засохшего сыра и банка аджики, которую я сварила в прошлом году и боялась открыть. Варенье из кабачков (эксперимент, провальный), кефир с истекшей неделей назад датой и надежда на лучшее.

— Надо ехать в магазин, — вздыхаю я.

Магазин в нашем посёлке называется «У Палыча». Это святое место для всех дачников в радиусе десяти километров. Там есть всё: от семян укропа до дешёвого коньяка, от рабочих перчаток до замороженных пельменей, которые, как утверждает Палыч, «сделаны из натурального фермерского мяса». Никто не верит, но все покупают.

Я переодеваюсь в чистое. Что значит «чистое» для флориста-самоучки, которая весь день провела на коленях в грядках? Джинсы без явных следов земли, футболка без дырок на локтях, волосы собраны в пучок, но уже через пять минут начнут выбиваться, потому что это мой крест. На лицо — никакой косметики. У меня есть помада, которой я красилась на Новый год, но она где-то в глубине ящика, и я не уверена, что её не съела мышь.

Я смотрю на себя в зеркало в прихожей. Веснушки, чуть уставшие глаза, нос, который всегда казался мне слишком большим, пока я не прочитала в интернете, что такой нос называется «аристократичный». Аристократия с зарплатой флориста звучит печально.

— Ладно, — говорю я отражению. — Поехали. Главное — не встретить его.

Сажусь в свою старенькую «шестёрку», которая тарахтит так, будто вот-вот развалится, но ездит вернее любой новой иномарки. Дорога до магазина занимает пять минут. Я успеваю прокрутить в голове список покупок: хлеб, молоко, гречка, что-нибудь к чаю, может быть, сок. И лопату. Новая лопата, потому что старая сломалась вчера, когда я пыталась выкопать корень сорняка, который, как я подозреваю, Александр посадил специально.

Паркуюсь у магазина. Машин немного: старенький универсал председателя СНТ, мотоцикл с коляской, в которой сидит такса, и...

И большой чёрный джип с тонированными стёклами. Который я узнаю из тысячи. Потому что этот джип каждое утро стоит у соседского участка и каждое утро вызывает у меня желание поцарапать его ключом.

— Нет, — шепчу я. — Только не сегодня. Только не когда у меня в сумочке лежит квитанция на оплаченный штраф, и я ещё не придумала, как отомстить.

Но я уже вышла из машины. Я уже иду к входу. И я не могу развернуться, потому что Палыч увидел меня в окно и помахал рукой. Палыч — хороший человек, он всегда откладывает для меня самые свежие розы, которые привозят из города. Сегодня четверг, день поставки. Если я уйду, их разберут.

— Соколова, заходи давай! — кричит Палыч из двери. — Розы привезли, белые, как твоя совесть!

— У меня совесть не белая, — бурчу я, переступая порог. — У меня совесть в крапинку.

Магазин пахнет хлебом, кошачьим кормом и чем-то химическим из отдела бытовой химии. Я люблю этот запах. Он настоящий. В нём нет фальши, в отличие от некоторых соседей, которые делают вид, что я — пустое место.

Я беру корзину. Металлическую, с отломанной ручкой. Иду к отделу с овощами. Помидоры мне не нужны. Я никогда не покупаю помидоры. Это принцип.

— Хлеб, молоко, гречка, — бормочу я, складывая продукты в корзину. — Печенье к чаю. Можно с начинкой. Можно без. Пальч, у тебя печенье с начинкой есть?

— Есть, — отвечает он из-за прилавка. — Оно с томатным соком. Какой-то новомодный рецепт.

— Это издевательство, — говорю я. — Боже, какое издевательство.

Я разворачиваюсь к стеллажу с крупами. Гречка, рис, пшено, овсянка. Я тяну руку к пачке гречки, делаю шаг в сторону и...

Врезаюсь в кого-то грудью.

Нет, не так. Я врезаюсь в кого-то так, что моя корзина вылетает из рук, гречка рассыпается по полу, а я сама, потеряв равновесие, лечу вперёд и утыкаюсь носом в твёрдую, как бетон, мужскую грудь.

Запах. Сначала запах. Древесина, что-то пряное, помидоры — свежие, сорванные с грядки, и ещё что-то, от чего у меня внутри всё переворачивается. Мужской запах. Настоящий. Не одекolon из ларька, а что-то глубокое, опасное, как лес после дождя.

— Осторожнее, — говорит голос над моей головой. Низкий. Хриплый. С лёгкой насмешкой, от которой я покрываюсь мурашками.

Я поднимаю голову.

Серо-зелёные глаза. Взлохмаченные волосы. Лёгкая небритость, которая делает его похожим на пирата, если бы пираты выращивали помидоры. Александр. Стоит в двух сантиметрах от меня, его руки замерли в воздухе — он, кажется, пытался поймать меня за плечи, но я слишком быстро упала.

— Ты, — выдыхаю я.

— Я, — подтверждает он. — А ты, как всегда, врываешься в мою жизнь неожиданно и разрушительно. Гречку помочь собрать?

Он смотрит вниз. На пол. На рассыпанную гречку. Потом переводит взгляд на меня. И на его лице появляется эта его дурацкая усмешка — та самая, от которой мне хочется то ли ударить его, то ли...

Нет. Никаких «то ли». Только ударить.

— Ты стоял на пути, — говорю я, отступая на шаг. Или пытаюсь отступить. Но за мной стеллаж с гречкой, и я упираюсь в него спиной. — Ты всегда стоишь на пути. Это у тебя профессиональное?

— Скорее, призвание, — отвечает он, не двигаясь. Он всё ещё слишком близко. Я чувствую тепло его тела, и это отвратительно. Просто отвратительно. — Что ты здесь забыла, Соколова? Пришла купить помидоры? Признай, что мои лучше?

— Я никогда не куплю помидоры, — цежу я сквозь зубы.

— Лепестками твоими сыт не будешь, — замечает он, и его взгляд скользит по моему лицу, останавливается на губах, потом на шее, потом на ключицах, которые видны из-под выреза футболки. Он делает это быстро, но я замечаю. Я всё замечаю. — Ты худая, как сорняк на голодной почве.

— А ты толстый, как помидор, который переел удобрений, — парирую я, хотя он совсем не толстый. Он поджарый, жилистый, и футболка сидит на нём так, что я вижу каждый мускул. Но я не смотрю. Я смотрю на его левое ухо. Это безопасно.

Он смеётся. Коротко, хрипло.

— Ладно, — говорит он, наконец отступая и давая мне пространство для дыхания. — Я забираю свои слова обратно. Ты не сорняк. Сорняки хотя бы растут тихо и не лезут в чужие корзины.

— Я не лезла в твою корзину! — возмущаюсь я. — Я вообще не знала, что ты здесь. И если бы знала, пришла бы завтра. Или через год. Или вообще не пришла бы, переехала бы в город, в бетонную коробку, лишь бы не видеть твою...

— Мою что? — он приподнимает бровь.

— Твою физиономию, — заканчиваю я, но слово выходит каким-то не таким. Слишком мягким. Слишком... будто я его дразню.

В воздухе между нами что-то меняется. Я не знаю, что. Может быть, свет упал по-другому. Может быть, Палыч включил вентилятор, и поток воздуха принёс запах его одеколона. Может быть, мне просто показалось.

Но на долю секунды он смотрит на меня так, будто я — не враг. Будто я — загадка, которую он хочет разгадать. Будто я — редкий сорт розы, который он хочет выкопать и пересадить к себе на участок.

Я моргаю. Иллюзия исчезает.

— Ты рассыпала гречку, — говорит он ровным голосом. — Палыч будет ругаться.

— Я соберу, — говорю я, опускаясь на корточки. Мои руки дрожат. Почему они дрожат? От злости, конечно. Только от злости.

Он тоже опускается. И оказывается так близко, что я вижу маленький шрам на его подбородке и тёмную щетину, которая колетса, если провести пальцем. Я не провожу. Я поднимаю пачку гречки. Высыпалась половина.

— Держи, — он протягивает мне упаковку молока, которая закатилась под стеллаэ. Его пальцы касаются моих, и это как удар током. Сухо, горячо, коротко.

Я дёргаю руку.

— Спасибо, — говорю я, не глядя на него.

— Пожалуйста, — отвечает он, и в его голосе снова усмешка. — Мог бы и не помогать, знаешь. Но я сегодня в хорошем настроении.

— С чего бы? — я поднимаюсь, отряхивая колени.

Он тоже встаёт. Смотрит на меня сверху вниз, и я чувствую себя маленькой, смешной, глупой в своей растянутой футболке и с пучком, который уже развалился.

— С того, — говорит он, — что вчера я выиграл спор у Палыча. Три банки томатного сока за так. Будешь?

— Я, — я беру свою корзину, хлеб, молоко, гречку, — скорее выпью отбеливатель.

Он улыбается. Открыто, почти по-доброму. И от этой улыбки у меня внутри что-то сжимается, падает вниз и разбивается вдребезги.

— Береги себя, Соколова, — говорит он, отходя к кассе. — И не врежайся больше в людей. Ты тяжёлая, как мешок с навозом.

— А ты мягкий, как помидор, который перезрел! — кричу я ему вслед.

Палыч смотрит на нас из-за прилавка и качает головой.

— Молодёжь, — вздыхает он. — Раньше люди ссорились из-за земли, из-за денег, а вы — из-за помидоров и роз.

— Это не из-за помидоров, — говорю я, бросая продукты на ленту. — Это из-за принципов.

— Ага, — Палыч пробивает хлеб. — Принципы у вас, я смотрю, колючие, как розы. И такие же красивые, когда цветут.

Я не отвечаю. Потому что Александр уже вышел, и я слышу, как заводится его джип. Я смотрю в окно. Он сидит за рулём, и в зеркале заднего вида я вижу его глаза. Он смотрит на меня.

Три секунды.

Я отворачиваюсь первой.

— Сдачи не надо, — говорю я Палычу и выбегаю из магазина, чувствуя, как горят щёки.

И только дома, разбирая пакеты, я замечаю, что купила две пачки гречки, забыла про печенье и вместо печенья с начинкой взяла пачку томатного сока.

— Проклятие, — шепчу я, глядя на красную упаковку. — Проклятие, проклятие, проклятие.

Я открываю банку. Делаю глоток. Сок тёплый, густой, сольный, с привкусом чего-то, что напоминает его запах.

Я выливаю остатки в раковину и иду поливать розы.

Они не спрашивают, почему у меня дрожат руки.

Глава 3. Операция «Лесной пожар»

Я засыпаю с мыслью о томатном соке.

Это унижительно. Это ниже моего достоинства. Я — Варвара Соколова, повелительница роз, гроза помидорных королей, женщина, которая получила четыре штрафа и не сдалась — и я засыпаю, чувствуя на губах привкус его дурацкого сока.

— Это всё из-за голода, — бормочу я в подушку. — Я была голодная. И злая. И он стоял на пути. Это не считается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.